

Молдагалиева Еркежан Жумабекызы

[erkezhan.m@mail.ru](mailto:erkezhan.m@mail.ru)

Студентка 2 курса филологического факультета,  
специальности «Филология: русская филология»  
ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан  
Научный руководитель – М.А. Канафина

Интерес к творчеству М.А. Шолохова не ослабевает: читатели разных возрастов, национальностей, стран вновь и вновь обращаются к его произведениям, заново переживая эпохальные события, отыскивая вместе с героями книг ответы на вечные вопросы.

Величайший роман-эпопея «Тихий Дон», «произведение общерусское, национальное, народное», по признанию многих, одно из лучших творений мировой литературы XX столетия, создавалось не на пустом месте. «Донские рассказы» как первый исток творчества, как «проба пера», «проба литературных сил», как школа художественного мастерства оказываются очень важными в осмыслении всего творческого наследия русского гения.

Исследование концепта судьбы актуально в современном литературоведении, поскольку обращено к коренным связям человека с миром и историей. Как справедливо отмечает А.И. Хватов, «дойти до смысла явлений, предопределяющих судьбу человека, стало одним из мотивов Шолохова, получающих свой отзвук в современных художественных исканиях»[1, с. 113].

Ярким примером такой позиции автора стал сборник «Донские рассказы». Здесь писатель рассказывает о противостоянии народа, о гражданской войне 20-х годов, которая принесла немало горя всей стране. Данный сборник, прошедший Гражданскую войну и видя все ее стороны, создавал на реальных событиях и состоит из 6 произведений: «Родинка», «Алешкино сердце», «Нахаленок», «Жеребенок», «Чужая кровь» и «Лазоревая степь». Рассказы написаны в духе своего времени и пронизаны коммунистической идеологией. «Донские рассказы» Шолохова, содержание которых объединяет общая тематика – жизнь простых людей на Дону во время Гражданской войны, – это отражение горестей и надежд русского народа. Глубина концепции сборника «Донские рассказы» кроется в том, что в несправедливых и страшных условиях войны главное – оставаться человеком. Именно эти рассказы были отражены в кинематографе как свидетельство о той жизни, которую видел народ.

Среди русских классиков М.А. Шолохов является одним из самых экранизируемых в мире авторов. Экранизации романов писателя стали появляться практически одновременно с возникновением экранизаций как таковых – в 10-х гг XX века и активно создаются в наши дни. Огромное влияние творчества Шолохова на мировую культуру осуществляется, в том числе, через экранные воплощения его произведений.

Целью данного исследования является выявление художественного образа писателя в кино на примере «Донских рассказов».

В 1964 году по мотивам рассказов «Шибалково семя» и «Родинка» на экраны вышел художественный фильм режиссера Владимира Фетина «Донская повесть», снятый на киностудии «Ленфильм», который как и многие произведения Нобелевского лауреата, раскрывает драматическую тему ожесточенной "классовой борьбы", истребившей миллионы людей.

В «Донской повести» помимо заявленных мотивов из «Шибалкова семени» и «Родинки» центральное место занимают прямые цитирования из «Тихого Дона» — блестящие примеры шолоховских диалогов, юмора, перенесенной в текст мощности природных

красок, какой-то сверхреалистичной, земной достоверности характеров. Собственно, эти цитирования (шутливая, с балагурством пополам перепалка «игреливой бабенки» Дарья на телеге с «хохлом» Иваном Чубуковым, гарцующим подле, — типажом, взятом актером Борисом Новиковым прямо как есть из герасимовского шедевра, где он играл Митьку Коршунова; байки престарелых казаков о казачьем же происхождении Ильича; тригикомические попытки Шибалка накормить ребенка кобыльим молоком, весенние томления Дарья у Дона, в которых Чурсина играет попеременно то «под Быстрицкую», то «под Хитяеву») понятны и эстетически немало очеловечивают страшные истории братоубийств, женоубийств, детоубийств, легшие в основу фильма, придают им необходимую для восприятия человеком, живущим в мирное время, приземленность, вплетенность в ткань обыденной жизни, а потому — сложность и глубину.

Но сила «Донской повести», конечно, не только в умных заимствованиях из смежной классики. Исключительная режиссерская удача фильма — в гениальном подборе актеров на главные роли. Молоденькая Людмила Чурсина и особенно Евгений Леонов создают на скудном, в общем-то, материале, самостоятельно, без авторской помощи, совершенно шолоховские по яркости образы. Владимир Фетин сумел разглядеть в каждом из них тот актерский стержень, ту актерскую индивидуальность, которая и стала потом визитной карточкой каждого.

Дарья Чурсиной поражает в первую очередь совершенно сногшибательной женской силой и властью над мужчиной, какой-то первобытной сексуальностью, которой от нее пышет, как от печки. Едва двадцатилетняя Чурсина потрясающе убедительна во всех женских ипостасях: соблазнительницы, волнующей и баламутящей всю казачью сотню, хлопотливой и жадной будущей матери, инстинктивно выющей птенцу гнездо, просветленной мадонны с новорожденным на руках, верной казачьей жены, прикипевшей душой к отцу своего ребенка, желающей уберечь и его и виноватой перед ним, бабы, черно, грубо-чувственно любящей, готовой на все за любовника-главаря банды. Дарья прекрасно осознает свою женскую силу, но умеет и понимать ее пределы. У нее своя правда — правда женщины из среды, где «хозяйствовать умели», желающей жить в довольстве, любить и рожать — и готовой бороться за это, ненавидеть, убивать, предавать. Но есть у нее и нечто, похожее на совесть, просыпающаяся перед лицом смерти, заставляющая ее открыться, — и нечто, похожее на гордость, не позволяющее ей и перед смертью каяться.

Образ же Леонова с дитятей на руках — это и просто дивная картина фильма. Нежный, добрый, податливый, домашний человек, «мамания» — таков его Яков-пулеметчик. Выбранный Дарье в конвойные, он, в уюте души своей, поначалу побаивается ее агрессивной женственности, стыдится ее авансов, стирает за нее белье, краснеет, видя ее пьяную, доступную. Его революционная преданность несомненна, но и «вражьи» Дарьины разговоры он легко ей прощает сначала за ее ласки, потом — в мыслях о будущем ребенке. То, что именно он, такой, как есть — привязчивый, любящий, по натуре безобидный, — вынужден убить мать своего ребенка, придает повествованию какой-то совсем уже надмирный трагизм.

Но особенно трогателен, щемящ и памятен Леонов в роли молодого отца — это несомненно. Его колдовство над кобылой с жеребенком, толстые, плохо слушающиеся пальцы его, мастерящие пеленки, ряд волшебных изменений его круглого, добродушного лица при взгляде на малютку — все это совершенно изумительно, как-то всему назло человечно, душевно, тепло, по-русски любовно-жалко без патетики и слезодавления, даже по-хорошему комично местами. Как там у Шолохова? — «Он у нас трошки из большевиков, кусаться — кусается, нечего греха таить, а слезу из него не вышибешь!..»[2, с. 37].

Русский мужик, какой он есть, с дитём на руках. Припилил до детского дома и хочет оставить это самоё дите на попечение одной женщины в очках, стало быть директора. Но

не потому, что отец он плохой или его просто попросили. Отнюдь. Просто времечко дюже горячее: отряд красных гоняется по степи за бандой. А наш Шибалок, так зовут героя Леонова, робит пулеметчиком в данном отряде и ему стало быть с дитём никак нельзя. Вот и надобно, чтобы сердобольная гражданка приняла младенца. Ну, а чтобы она не сомневалась в его намерениях, он и рассказал ей историю зарождения этой новой жизни.

Сейчас фильм местами покажется несколько наивным и прямолинейным, но шолоховский язык, помноженный на прекрасную игру Леонова и Чурсиной, вытянет это кино на новый космический уровень. Например, как происходит первая сцена, когда отряд красных встречает расхристанную русскую бабу на пригорке:

-Что ты собою за человек и почему в бессовестной видимости лежишь вблизи шляха?

А ведь в отряде есть такой персонаж, как Чубуков (Борис Новиков), который тот ещё балагур и затейник. Уж он-то постарается своим языком. Героиня Чурсиной в слезы, в сопли, а то и гляди волком, но уж больно хочешь показать себя насилуванной. И ведь веришь. Ей-богу, веришь. Другие бы казаки, может и не взяли бы эту бабу, но уж больно доброе и жалостливое сердце у Якова Шибалка, который хоть и не мастак нюхать женские подолы, а всё же пригрел пичужку на свою беду и беду своихтоварищей. Завязочка уже проклюнулась, но это только цветочки, как вы понимаете. Ягодки впереди будут [3, с. 45].

Как не вспомнить эпизод про национальность вождя мирового пролетариата, когда один старый казак, гарный хлопец с бородой, спрашивает у своего командира Николки, кто по национальности товарищ Ленин. И когда получает ответ, что, дескать мол русский, только посмеивается в бороду. Какой такой русский? Ну, из Симбирской губернии, отвечает Кошевой. Не тут-то было. Из донских казаков он, точно. Как может не умилять такой душевный момент?[4, с. 67]

Режиссер Фетин идеально проиллюстрировал богатый и могучий русский язык. Да, такие выражения сейчас вряд ли встретишь.

Таким образом, автор данной экранизации добросовестно следовал установленным канонам видения шолоховского мира и прочтения шолоховской сложнотканной прозы, стараясь держать заданную планку. Результатом чего стало то, что автор «Донской повести» обеспечил главнейшему из тематических произведений своеобразную группу поддержки, создал вокруг Шолохова периода Гражданской некий общий кинематографический фон, — в определенном смысле, диссонирующий с писательскими замыслами автора «Донских рассказов».

В. Фетину удастся раскрыть шолоховские представления о судьбах человечества, где не социально-политическое, не идеологическое начало определяют судьбу, жизненный путь человека, а именно нравственное начало, то конфликтующее, то гармонирующее с окружающим миром оказывается решающим в выборе человека своего пути, судьбы.

#### **Список использованных источников**

1. Лукин Ю. Б. Два портрета. А. С. Макаренко. М. А. Шолохов. Критико-биографические очерки. — М.: Московский рабочий, 1975, 416 с.
2. Шолохов М. Один язык / Михаил Шолохов // Имя с первой полосы: герои эпохи - герои "Комсомольской правды" / под ред. Г. Селезнева, В. Андриянова. -М.: Правда, 1985, С. 44 – 48.
3. Губанов Г. В. М. А. Шолохов: Мгновения жизни. — Ростов-на-Дону: РИО «Цветная печать», 2000, 416 с.
4. Жбанников А. С. Михаил Шолохов — больше, чем писатель. — Ростов-на-Дону: РИО «Цветная печать», 2006, 140с.